

Лю Сицзяо, хоть и находился на съёмочной площадке, следил за этим шоу внимательнее всех.

С его нынешним статусом он мог выбирать сценарии почти по собственному усмотрению.

И всё же, несмотря на то что оба — и он, и Цзян Хэ — были под крылом агентства «Чэнкун», Лю Сицзяо упрямо искал проекты, до которых не дотягивались связи Цзян Хэ.

Роль в этом фильме он получил сам, пройдя кастинг.

Если бы картина производилась «Чэнкуном», он мог бы просто приостановить съёмки и спокойно участвовать в шоу.

Но раз уж выбрал независимый проект — пришлось терпеть.

Только закончив дневные съёмки, Лю Сицзяо наконец смог взять в руки телефон.

Экран тут же ожил: сообщения от Яо Лисинь сыпались одно за другим, словно она вела прямую трансляцию событий. К каждому — ссылка на Weibo, и ясно как день: она явно намекала ему «посмотреть, что творится».

> Яо Лисинь: [Фото]

> Яо Лисинь: [Ссылка] В тренде.

> Яо Лисинь: [Видео] Признание Тан Юэ — оригинал.

Лю Сицзяо зашёл в Weibo — искать ничего не пришлось. Его лента уже была заполнена постами Яо Лисинь.

Если бы это было обычное реалити-шоу, фанаты, конечно, списали бы всё на пиар.

Но это ведь групповое шоу Away — четверо друзей, плюс двое детей, больше похоже на дружескую вылазку, чем на шоу-бизнес.

Разве что раньше такие встречи всегда проходили «трое из четырёх», а теперь, когда появился Тан Юэ, программа взорвалась популярностью. И неудивительно.

> ****#ТанЮэ_признался****

> ****#ТанЮэЦзянШулюй_объятия_на_пароме****

> ****#ТанЮэ_любит****

> ****#Away****

На перерыве даже члены съёмочной группы не отрывались от телефонов.

Лю Сицзяо слышал, как из чужих динамиков доносится тот самый BGM — видео, которое миллионы раз пересматривали и которое возглавило все платформенные рейтинги:

> ****#Объятия_на_пароме****

В комментариях под видео мелькали вопросы случайных зрителей:

— Это что, новый дорама?

— Какие пейзажи! Эти двое кажутся знакомыми...

— Боже!! Цзян Шулюй и Тан Юэ?! Они вместе?! Почему так обнимаются?!

На кадрах паром слегка качнуло — Цзян Шулюй инстинктивно обнял Тан Юэ, потом осторожно отпустил.

Ранее испуганные чайки улетели, но тут же появились новые — теперь они сидели на краю рыболовной корзины у хозяина лодки.

Тан Юэ отстранился и попытался снова обсудить с Цзян Шулюем вопрос, где им ночевать.

Но тот, похоже, не горел желанием сотрудничать.

Он смотрел на горы на другом берегу, делая несколько снимков, будто вовсе не слышал просьбы Тан Юэ.

Без микрофона зрители бы и не узнали, что именно сказал Тан Юэ:

— Капитан... мне просто страшно, что ты опять плохо выступишь рядом со мной...

Лю Сицзяо не видел Тан Юэ много лет. Его воспоминания о нём — робкий, застенчивый мальчишка.

Тан Юэ напоминал дикого зверька, который никогда не видел людей.

Между ним и миром будто существовала невидимая преграда — странно, учитывая, что в анкетах значилось: «работал повсюду».

Всё это списали на последствия амнезии после аварии.

Тан Юэ так и не вспомнил прошлое — стал чистым листом.

Самостоятельно обслуживал себя, но ко всему остальному относился с детским любопытством.

Он обожал музыку — не как другие, кто просто «любит индустрию», а с настоящей одержимостью: готов был спать в репетиционной комнате.

Сначала Яо Лисинь думала, что Тан Юэ просто «сломался» после удара по голове.

Но позже поняла: он просто наивен до невозможности, часто не улавливает скрытых смыслов.

Не интересовался ни играми, ни интернет-спорами — только романами.

Нельзя сказать, что он «старомодный», но и не совсем современный.

Он быстро осваивает новое, но порой жалуется, что технологии развиваются слишком медленно — особенно сетует, что до сих пор нет полноценных голографических игр.

Тан Юэ — противоречив, но в своей наивной чистоте вызывает только умиление. Его неловкость трогает, а не раздражает.

Единственное, что могло смутить Лю Сицзяо, — это чрезмерная вежливость Тан Юэ ко всем, кроме Яо Лисинь.

Хотя, по мнению Лю Сицзяо, с ним тот обращался чуть лучше, чем с Цзян Шулюем.

По крайней мере, Тан Юэ не убегал при виде Лю Сицзяо, не сыпал «прости» и «спасибо» и не менял место, если оказывался рядом.

«Нас же всего четверо! — думал Лю Сицзяо. — Ты что, играешь в „горячее место“? Зачем так отчаянно избегать?»

Даже он начал подозревать, что Цзян Шулюй, возможно, сделал что-то такое, чего никто не знает, раз Тан Юэ так его боится.

Однажды Лю Сицзяо решил поговорить с Цзян Шулюем об этом.

Он закрыл дверь репетиционной комнаты и только подошёл к нему — как дверь внезапно распахнулась.

Тан Юэ вбежал с гитарой, увидел их и замер, будто привидение увидел. Пробормотал запинаясь: «Извините, помешал...» — и исчез.

Цзян Шулюй, стоявший у окна, даже не заметил, что кто-то вошёл.

Богатый наследник использовал топовые наушники с шумоподавлением — только сильный удар по двери мог его вывести из транса.

— Это Тан Юэ, — без энтузиазма бросил Лю Сицзяо.

— Интересно, почему он так странно смотрит на нас обоих?

Цзян Шулюй, сняв наушники и повесив их на шею, мгновенно отступил на три шага и настороженно произнёс:

— Не используй меня как инструмент для ваших отношений с моим дядей.

На тот момент Лю Сицзяо и Цзян Хэ ещё не были парой. Их связывал исключительно деловой контракт — «спонсор и подопечный», без намёка на романтику.

Но за внешней покорностью «нежного айдола» скрывался совсем другой характер — особенно перед Цзян Хэ.

До того как группа дебютировала, Цзян Шулюй однажды зашёл в дом дяди и застал Лю Сицзяо, разбивающего коллекционные бокалы.

Звон разбитого стекла был резким, но голос Лю Сицзяо — мягким:

— Тогда не жди, что я пойду с тобой ужинать.

Цзян Шулюй тогда не придавал значения.

Кто бы мог подумать, что через несколько лет эти двое действительно сойдутся — и станут образцовой гей-парой в глазах публики.

Любовь проявляется по-разному.

Цзян Шулюй, богатый наследник, не верящий в романтику и не склонный к легкомыслию, никогда бы не выбрал тип вроде Лю Сицзяо.

Он и сам думал, что, возможно, никогда никого не полюбит.

Но потом встретил Тан Юэ.

Тот казался тихим цветком синего циннии, ещё не распустившимся до конца.

Юноша на больничной койке, с растерянным взглядом, впервые встретившийся с Цзян Шулюем.

После долгой комы лицо изменилось — почти не совпадало с фото в документах.

Но именно тогда в голове Цзян Шулюя мелькнула мысль:

«Этот цветок легко раздавить. Ему нужно бережное обращение. Любая грубость заставит его

уйти в другую почву».

С тех пор Цзян Шулюй стал особенно внимателен к Тан Юэ.

Однажды вечером в репетиционной он задумался над новым демо, вспомнив, как Тан Юэ сказал, что ему некуда ехать на Новый год.

«Может, предложить ему остаться у меня? Не обязательно в особняке Цзян — у меня есть своя квартира».

Он сам не любил жить в родовом доме — слишком давит.

Если бы вырос там с детства, возможно, не чувствовал бы такого отторжения.

Но его туда «привили» насильно — как привитый плод, лишённый выбора.

Лю Сицзяо, увидев, как Цзян Шулюй избегает разговора, лишь махнул рукой и ушёл.

Внизу он увидел Тан Юэ, сидящего во дворе и играющего на пипа — гитару он уже сменил.

Музыка лилась, как ручей. Лицо юноши в лунном свете было прекрасно, но в глазах читалась тоска, будто вот-вот пойдёт дождь.

— Тебе не холодно здесь? — спросил Лю Сицзяо.

— Нет, мне здесь нравится, — ответил Тан Юэ.

— Здесь цветы так хорошо цветут.

Он не осознавал, насколько в его голосе звучит одиночество — будто годы провёл в пустоте, и даже слова пропитаны печалью.

Лю Сицзяо машинально взглянул вверх — к окну, где только что стоял Цзян Шулюй.

«Неужели он смотрел на него?»

— Ты сейчас хотел что-то? — спросил он.

Тан Юэ покраснел:

— Я просто... хотел, чтобы капитан ушёл. Мне хочется спокойно поиграть.

— То есть он на тебя смотрел? — уточнил Лю Сицзяо.

Тан Юэ вспыхнул, как кошка, которой наступили на хвост:

— Никак нет! — вырвалось у него, и он тут же понял, что перегнул.

Отношение Лю Сицзяо к семье Цзян было прохладным; к Цзян Хэ — прямо-таки враждебным.

Но к Цзян Шулюю, наоборот, иногда позволял себе поддразнить — тот был слишком молчалив.

В глазах Лю Сицзяо все Цзян были как растения, выращенные в формочках: идеальные, но пустые внутри.

Даже если вырастут в бамбуковый лес — сердцевина останется полой.

Цзян Шулюй в группе был чуть живее — в нём ещё теплился огонь, не до конца потушенный семьёй.

Но Лю Сицзяо боялся, что через несколько лет он станет таким же, как Цзян Хэ: без надежды, без вкуса к жизни.

Сейчас Цзян Шулюй — спокойное озеро. Но что таится под поверхностью, Лю Сицзяо не знал.

Он не верил, что Цзян Шулюй способен на искренние чувства.

А Тан Юэ нужен человек, чья доброта — не маска, а суть.

Не «пустышка», не знающая, как удержать собственное будущее.

Но судьба иронична.

Спустя годы взгляд Тан Юэ на Цзян Шулюя не изменился ни на йоту.

И на тысячах HD-камер эта особенность видна каждой клеточкой.

Лю Сицзяо, лёжа в шезлонге, вспомнил тот старый взгляд — и улыбнулся.

— Неужели Away уже «слёзы эпохи»?

— Да каждый из них мог бы стать актёром! Такие лица!

— И локации в шоу — просто волшебство!

На видео паром снова качнуло.

В прошлый раз — ребёнок опрокинул корзину с фруктами.

В этот — девочка попыталась поймать чайку у окна, неудачно толкнула раму — и лодку снова

повело.

Рябь на реке.

Шелест воды.

И дыхание Тан Юэ, когда он вновь упал в объятия Цзян Шулюя.

Его губы случайно коснулись подбородка Цзян Шулюя — тот тихо вскрикнул от боли, но инстинктивно прижал Тан Юэ к себе.

— Не двигайся, — сказал Цзян Шулюй.

Щёки Тан Юэ покраснели, как тогда.

Лю Сицзяо тогда не придавал значения — подумал, что это просто стыдливость или страх.

Теперь, глядя через экран, он понял: это было совсем другое.

Как не влюбиться в такое?!

Лю Сицзяо яростно лайкал комментарии вроде:

«Они реально идеальны!»

«Два мужика — и такие крутые!»

«Как я раньше не видел этой пары?!»

Потом перепостил твит Яо Лисинь с эмодзи: 🍷🍷

В паре с её «Вау!» это вызвало фанатский восторг — и одновременно обвинения в «цинизме».

Но черт возьми, как же приятно наблюдать за этим!

После ужина Тан Юэ собирался проводить сына Тан Мян обратно.

Но «родной сын» заявил, что отец мешает: хочет сам осмотреть плетёные изделия — и даже толкнул его.

— Пап, разве ты не сломал кровать? Режиссёр сказала, что тебе с дядей Цзян нужно купить новую доску.

Мальчик обожал рукоделие — в мастерской ему было не скучно.

Яо Сюаньюй тоже ловко работала руками, превратив шоу почти в детскую конкурсную программу.

Сотрудники мастерской с интересом наблюдали за ними.

Тан Юэ был подавлен:

— Сяомие, ты весь день меня отталкиваешь!

> «Ха-ха, Тан Юэ, ты такой прилипала!»

> «Какой отец вообще?!»

Тан Мянью потянул его за руку:

— Пап, ты слишком липнешь. Это плохо.

— А разве нельзя? У меня ведь только ты...

— Но у меня есть друзья! А у тебя — дяди!

Он покачался, всё ещё держа отца за руку.

Их отношения выглядели очень тёплыми — настолько, что Цзян Шулюй, стоявший в стороне, совершенно зачарованно смотрел на них... и не заметил, как Яо Лисинь его сфотографировала.

— Я тоже хочу делать это с тобой, — сказал Тан Юэ.

— Ты просто не хочешь идти с дядей Цзян за доской? — догадался сын.

Тан Юэ не успел ответить, как мальчик добавил:

— Но ведь ты сам сказал, что любишь дядю Цзян.

Он взглянул на мужчину у двери.

Тень Цзян Шулюя тянулась далеко. На улице гуляли прохожие, изредка заглядывая внутрь.

Тан Юэ подмигнул Цзян Шулюю.

— Он просто так сказал. Я не придавал значения, — ответил Цзян Шулюй.

> «Цзян Шулюй изменился...»

> «Яо Лисинь, тебе не заняться ли попкорном?»

— Нет, не просто так... — начал Тан Юэ.

Но в следующий миг сын уже вёл его к Цзян Шулюю, положил его ладонь в ладонь Цзян Шулюя и важно произнёс:

— Идите уже!

— Взрослые меньше лезьте в дела детей!

> «Какой грозный!»

> «Умри от милоты!»

> «Лучший сводник в истории!»

Тан Юэ попытался выдернуть руку, но Цзян Шулюй уже крепко сжал её.

— Пошли, взрослый Тан Юэ.

Так Тан Юэ был «предан» собственным сыном.

На улице он выглядел уныло, но руку не вырвал — возможно, понял, что бесполезно.

Картина была комичной.

Цзян Шулюй всегда был образцом строгости: спина прямая, осанка безупречная, даже в группе никто не видел его растрёпанным.

Тан Юэ — полная противоположность: сутулый, ленивый, но не от глупости — просто ему никто не мешал быть таким.

Раньше Цзян Шулюй точно бы сделал замечание.

Теперь же он просто тянул за руку упряма, который шёл, горбясь, будто жизнь потеряла смысл.

> «Смешно! Неужели из-за того, что сын отказался?»

> «Рука Цзян Шулюя огромная! Или Тан Юэ такой маленький?»

> «Не надо крупных планов! Я думаю, что смотрю не то!»

> «Вы двое так притягиваетесь, что прохожие останавливаются!»

> «Цзян Шулюй, ты же наслаждаешься! Не скрывай улыбку!»

Тан Юэ, хоть и худой, — взрослый мужчина.

Но его детская манера поведения так забавляла Цзян Шулюя, что тот с трудом сохранял серьёзность.

Вдоль реки уже зажглись фонари. Гуляющие прохожие.

Тан Юэ бурчал себе под нос, не глядя вперёд — и вдруг столкнулся взглядом с белой собакой.

Он мгновенно выпрямился.

Цзян Шулюй собирался положить руку ему на плечо, но из-за резкого движения получилось объятие.

Их глаза встретились.

— Капитан... зачем ты меня обнимаешь? — вырвалось у Тан Юэ.

> «Мне кажется, они постоянно втягиваются друг в друга...»

> «Странно! Как у Цзян Шулюя до сих пор нет пары?»

> «Он же идеальный муж!»

> «Есть ли что-то шокирующее после того, как Тан Юэ стал отцом? Только женитьба Цзян Шулюя на нём!»

> «Он же уже признался (возможно)! Что невозможно?»

— А разве нельзя? — спросил Цзян Шулюй.

Он хотел объяснить, что не собирался обнимать, но вопрос Тан Юэ показался ему слишком скучным.

Подавленный огонь вдруг вспыхнул — и Цзян Шулюй понял: он не насытился.

Он не был без желаний.

Просто все они были заперты — до встречи с Тан Юэ.

А теперь, в этом чужом городе, пламя горело ярче прежнего.

Тан Юэ загнулся:

— М-можно...

Он опустил голову, снова начал тереть пальцы.

Руки Тан Юэ в памяти Цзян Шулюя — как молодой лук: тонкие, белые, изящные.

На родной планете 9787 сортировка мусора не была тяжёлой работой.

Самое трудное — смазывать машины.

Иногда руки пахли маслом, и Тан Юэ долго их мыл, глядя вдаль.

Планета была пустынной. Люди считали себя потомками грешников, сосланных в изгнание.

Со временем даже среди грешников появились классы.

Живые растения и животные — только для элиты.

Единственный выход — улететь на другую планету.

Но билет на звездолёт стоил 76 лет зарплаты сортировщика.

Тан Юэ сдался.

Зато в голографических играх были цветы, птицы, рыбы — хоть иллюзорные, но на время утоляли жажду жизни.

Даже там он видел любовь:

медный букет отца для матери,

страстные поцелуи...

Любовь не кормит, но наполняет душу.

— Держи мою руку, — протянул Цзян Шулюй.

Тан Юэ удивлённо посмотрел на него.

— Кажется, ты любишь держать чужие руки. Раньше держал Сяомие. А он ещё мал — вдруг не вырастет?

Голос Цзян Шулюя дрожал от смеха.

Сзади он выглядел широкоплечим, подтянутым.

Даже в мешковатой куртке Тан Юэ казался хрупким рядом с ним.

— Даже спишь, держа за ухо... Сяомие не злится?

— Откуда ты знаешь? — растерялся Тан Юэ.

— Я раньше не спал с капитаном... И с другими братьями тоже не так...

— Я только с Сяомие так.

— А я — не Сяомие, — мягко сказал Цзян Шулюй.

Тан Юэ даже не заметил, что уже почти обнимается с ним, полностью погрузившись в изучение его ладони.

Кожа, морщинки, мозоли...

«Кажется, капитан занимается хоккеем?»

Тан Юэ ненавидел спорт — и так уставал от танцев.

Именно этими пальцами Цзян Шулюй касался его губ в ту ночь, с вином на губах, без колебаний...

Цзян Шулюй искал магазин — продюсеры сказали, что здесь продают то, что нужно.

Но прикосновения Тан Юэ сводили с ума.

Это был не просто «ухват», а медленное, почти ласковое исследование каждой линии кожи.

С любым другим Цзян Шулюй даже не допустил бы приближения.

Но Тан Юэ...

От его прикосновений даже ночной ветерок казался горячим.

— Тан Юэ...

Тот всё ещё был в задумчивости, не замечая, как почти прижался к Цзян Шулюю, не видя тёмного блеска в его глазах.

> «Один этот взгляд — и я уже...»

> «Кто раньше говорил, что пара несочетаема? Это я! Простите!»

> «Продюсеры гении! Это не „держание за руку“, это флирт! Тан Юэ, ты вообще понимаешь, как соблазняешь?»

> «Цзян Шулюй, ты герой!»

— Капитан? — наконец поднял глаза Тан Юэ.

— Ты так устал? Купим доску и пойдём спать.

— Не очень...

— Точно не поменяться?

Тан Юэ помолчал:

— Я... могу случайно потрогать... твои уши.

Цзян Шулюй рассмеялся:

— Делай что хочешь. Может, через пару дней я привыкну.

— Нет! — Тан Юэ замотал головой. — Я больше не буду!

— А кроме рук и ушей есть ещё что-то? — спросил Цзян Шулюй.

> «Не спрашивай! Я уже...»

> «Мозг сам рисует картинки...»

— Нет-нет! — Тан Юэ бросился к прилавку, чтобы сменить тему.

— О чём ты думаешь? — тихо спросил Цзян Шулюй, и в голосе его слышалась лёгкая усталость.

> «Чувствую, меня отругали...»

> «У Цзян Шулюя чистая совесть?»

Продюсеры не разрешили им найти мастера — Цзян Шулюю пришлось самому искать доску.

Все ожидали, что избалованный наследник начнёт капризничать.

Но он спокойно достал записку с размерами и попросил сделать доску подходящего размера.

— За это заплатит шоу? — спросил Тан Юэ.

Улочка пахла стариною.

Парикмахерская рядом — как из журналов 90-х.

На стекле — выцветшие иероглифы «стрижка», «укладка» — один уже отвалился.

Они стояли на ступенях: Тан Юэ — на одну выше, наконец глядя в глаза Цзян Шулюю.

— Компенсируют? — спросил Цзян Шулюй у съёмочной группы.

— Нет, — отрезала режиссёр. — Вы сами сломали кровать.

Тан Юэ смутился:

— Тогда я заплачу.

> «Как он испугался, когда кровать сломалась! Это исторический момент!»

> «Режиссёр специально сделала ударение!»

— Давай пополам, — предложил Цзян Шулюй.

— Хорошо.

— Тогда плати всё ты.

— Ладно, — согласился Тан Юэ, кивая, как послушный ребёнок.

— Ты... всё это время не работал? — спросил Цзян Шулюй.

Ночной ветер шелестел по берегам.

В мастерской стружка падала на пол, как лепестки.

Ресницы Тан Юэ дрожали.

Он боялся этого вопроса.

С другими можно было соврать.

Но не с Цзян Шулюем.

Даже зная, что между ним и Лю Сицзяо ничего нет...

«Это уже другая история? Или финал изменился?

А мой финал... будет таким же?»

Он, трусливый, осмелился родить ребёнка от этого человека.

— Работал, — тихо сказал он.

— Тяжело было?

Взгляд Цзян Шулюя с нижней ступени был невероятно нежным.

— Я же говорил... за мной кто-то присматривал.

— Можно мне как-нибудь заглянуть к вам с Сяомие? — спросил Цзян Шулюй, и в голосе его была такая мягкость, что даже зрители, знавшие его раньше, не узнавали.

Это шоу не было бунтом, как Away восемь лет назад.

Но и сейчас семья Цзян недовольна: зачем наследник тратит время на бесполезное шоу?

Для Цзян бизнес — всё.

Даже родных используют как инструменты.

Away был сделкой: Цзян Шулюй — единственный наследник, и он торговался за три года свободы.

Потом — годы неустанной работы.

Теперь он сам может распоряжаться ресурсами, но всё равно вызывает недовольство.

Родители перед отъездом говорили:

«Ты уже взрослый. Хватит капризничать.

Пора жениться, заводить детей».

Но у Цзян Шулюя нет желания.

Он смотрит на Тан Юэ — как на своё второе «я», на ту часть жизни, которую не решился прожить.

Цзян Хэ потерял любовь — и пожалел.

Цзян Шулюй ещё не потерял Тан Юэ.

Пять лет — как река за спиной.

Сердцебиение — как удары воды о днище парома.

Тук. Тук. Тук.

Кто нервничает?

Он или я?

«Он снова так смотрит...

Капитан, ты вообще понимаешь, как ты прекрасен?

Я не могу отвести глаз».

Это эффект первых впечатлений.

Эффект одностороннего выбора партнёра.

А он ничего не знает.

Мы с ним — родители одного ребёнка.

У нас была одна ночь — как сон.

Он не знает, как сильно я скучаю, стоя перед ним.

Как же плохо...

Когда мы рядом, я скучаю по нему сильнее, чем за все пять лет.

— Ты сказал «когда-нибудь»... — наконец собрался с духом Тан Юэ. — Когда именно?

— Раньше все говорили, что капитан женится до тридцати...

— Шулюй-гэ... ты уже нашёл того, с кем хочешь провести всю жизнь?

<http://bllate.org/book/16057/1440288>